

АНТРОПОНИМЫ И ТЕРМИНЫ-ЭПОНИМЫ В СВЕТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Канд. филол. наук, доц. Какзанова Е.М.
(Институт языкознания РАН, Москва, Россия)

(Опубликовано: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ВИРТУАЛЬНОМ ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ. Сборник научных докладов. IV Международная виртуальная конференция по русистике, литературе и культуре, 2-4 марта 2011 года. – США, Вермонт, Мидлбери колледж – Армения, Ереван, ЕФ МЭСИ, 2011. – С. 97-100) (0,3 п.л.)

В настоящее время в связи с широким распространением термина «межкультурная коммуникация» исследователи сталкиваются с тем, что концептуальное поле «культуры», как и само слово «культура», привносят гораздо больше проблем, чем способов их решений. С другой стороны можно дискутировать по поводу самого термина «межкультурная коммуникация» [10, 82], поскольку речевое взаимодействие происходит не столько на уровне культур в самом широком смысле этого слова, но, скорее всего, на уровне межличностного общения между отдельными представителями этих культурных сообществ, которые могут совершенно по-разному воспринимать и ощущать этот мир. Мы предлагаем поговорить об общении представителей разных наук (математики и медицины), утверждая, что в научных текстах этих подязыков в большом количестве встречаются такие культурные концепты как термины-эпонимы.

П.Н. Донец [3, 30] указывает на то, что с точки зрения межкультурной коммуникации и лингвокультурологии наибольшим потенциалом обладают три разряда уникальных культурно-специфических смыслов: события, места (страны, регионы и земли, города, городские районы, улицы, здания и даже отдельные помещения) и лица (реальные и вымышленные) (мы такие культурно-специфические смыслы определяем как персоналогические).

А.С. Щербак [11, 41] утверждает, что до середины XX столетия лингвисты не отмечали разницы между антропонимами и топонимами. Очевидно, имеется в виду то, что топонимы могли выступать в качестве личных имен, что было связано с теми или иными историческими событиями или фактами. Например, пишет Ю.А. Рылов [6, 168], имя Varna (мужской вариант Varno) присваивалось ребенку в честь болгарского порта Варна, где дислоцировался флот союзников (Франции, Англии и Королевства Сардинии), сражавшихся против России во время Крымской войны 1853-1854 годов.

А.Ф. Лосев [4, 135] назвал имя стихией разумного общения живых существ в свете смысла и умной гармонии, откровением таинственных ликов и светлым познанием живых энергий бытия. Он говорил: «В любви мы повторяем любимое имя и взываем к любимому через его имя. В ненависти мы хулим и унижаем ненавидимого через его имя. И молимся мы и проклинаяем через имена, через произнесение имени».

Т.В. Топорова [8, 114] приводит малоизвестные культурные сведения о том, что в древнеисландской литературе существовал специальный поэтический жанр, так называемая «тула» - стихотворное произведение, состоящее исключительно из имен собственных, и произносимое жрецом, хранителем мудрости. Именно тулами являлись древнейшие германские памятники – аллитерационный ряд племенных названий, приводимый Плинием и Тацитом, генеалогические ряды и др. В тулах имена собственные оказывают мощное фасцинирующее воздействие на слушателей, так как в этих ономастических текстах имена собственные выступают не в сюжетно-логической последовательности, они вырваны из

контекста, определяемого реальными связями имени собственного с окружающими апеллятивами, и упорядочены в соответствии с принципам поэтики.

Представляет интерес тот факт, что в Древнем Риме было мало личных имён - примерно 70, из которых реально использовались порядка 20. В записи они сокращались до 1-3 букв. Например, имя Публий сокращалось до Р., так как других имён на эту букву не было, и все понимали, что имеется в виду. В иудаизме существует традиция называть детей только именами живых или умерших родственников или друзей. 119 псалом Давида построен по алфавиту таким образом, чтобы можно было прочитать молитву на каждую букву имени человека. Ю.А. Рылов [6, 27] отмечает, что имена – это первые слова, которые усваивает человек, и последние, которые он утрачивает при афатических расстройствах. Рождаясь на свет, человек начинает отождествлять себя со своим именем и фамилией, с той энергетикой, которая заложена в его имени и передается по наследству в его фамилии. В Японии, выбирая имя ребенку, родители в первую очередь задумываются о звучании и красоте написания иероглифов. Имя ребенку дается в качестве напутствия - так сказать, визитная карточка в жизнь. Каждый японец знает историю своего имени, почему его назвали именно так, и в связи с какими событиями в жизни родителей было принято данное решение.

Вопрос об отличии собственных и нарицательных имен имеет первостепенное значение для философии имени. Он распадается на два вопроса: о природе самого имени и природе его носителя, поскольку имя, утверждает С.Н. Булгаков [2, 243], существует только в своих носителях. Имя есть то, что человек есть.

Р. Глезер [12, 4] рассматривает имена собственные как конституэнты терминов естественных и общественных наук. По ее мнению, ономастика профессиональных подъязыков может рассматриваться как часть ономастики.

Термин, который содержит в своем составе имя собственное (антропоним или топоним), а также имя нарицательное в обозначении научного понятия, называется эпонимом (*хонфова группа/Hopfsche Gruppe/Hopf group*). Также термин-эпоним может быть образован безаффиксным способом от имени собственного (антропонима или топонима) путем метонимического переноса (*Амнер, Agnesi*). Третью группу составляют аффиксальные производные от имени собственного (антропонима или топонима) (*якобиан, улексит*).

А.В. Суперанская [7, 26] считает, что для любого имени собственного важно, в каком типе культуры, в какой стране, на каком языке оно возникло. Внутри специального подъязыка (например, подъязыка математики, подъязыка медицины) к этому комплексу сведений добавляется и роль носителя антропонима в развитии соответствующей отрасли, что подтверждает мысль о том, что человек живет в контексте культуры.

Все, что находит свое место в культуре, указывает как авторство человека, так и независимость от него, считает Х. Плеснер [13, 281]. Прочитаем Павла Флоренского [9, 217]: «Мало задумываются, как при общем подсчете численно ничтожна та совокупность имен, которая оказалась исторически жизнеспособной и выдержала испытание тысячелетий».

Культура - это наследственная память коллектива, которая живет лишь в диалоге с другими культурами [5, 163]. А память коллектива аккумулирована прежде всего в языке, в его текстах, во фразеологии и лексике (например, в терминологии).

Согласно концепции В.А. Масловой [5, 166] каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, поэтому языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и тем самым служат средством презентации основных установок культуры. Именно поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей. Мы считаем, что культурно-обусловленные компоненты, отражающие национальную картину мира на уровне слов и словосочетаний – это в первую очередь имена собственные, входящие в состав терминов-эпонимов.

Если воспользоваться терминологией М.Я. Блоха и Т.Н. Семеновой [1, 54], то можно назвать термины-эпонимы именами-уникумами, в которых имена-уникумы обозначают

уникальные явления и благодаря именам собственным отождествляют их индивидуальность. Между антропонимами и существительными класса *Unica*, считают М.Я. Блох и Т.Н. Семенова, имеется существенное различие, состоящее в том, что в обычном употреблении имена личные актуализируют индивидуализирующие речевые смыслы в идиолектах носителей языка, в то время как имена-уникумы реализуют индивидуализирующую функцию в рамках общенационального языка. Различный диапазон функционального действия антропонимов и имен-уникумов обусловлен спецификой статуса антропонима и имени-уникума.

Термины-эпонимы представляют собой ассоциативные термины, выделяющиеся по типу мотивировки, в которых мотивировка выражается косвенно, с помощью разного рода ассоциаций. Любой математик поймет разницу между «*теоремой Адо*» и «*теоремой Бельтрами*», а любой медик поймет разницу между *болезнью Паркинсона* и *болезнью Крона*, и это понимание дает именно ономастический компонент. Если мы слышим термин *теорема*, то в лучшем случае вспоминаем словарное определение данного существительного. Если математик слышит только *Бельтрами* или только *Адо*, то у него в голове возникает ассоциативный ряд математических явлений, связанных именно с этими фамилиями. А если специалист слышит термины-эпонимы *теорема Бельтрами* или *теорема Адо*, он тут же понимает исключительно благодаря ономастическим компонентам, что теорема Бельтрами – это теорема о минимальных поверхностях, а теорема Адо доказана для случая нильпотентных алгебр и любого поля нулевой характеристики. Болезнь Паркинсона – это дрожательный паралич, а болезнь Крона – это воспаление желудочно-кишечного тракта. Таким образом, благодаря имени собственному (антропонимическому компоненту) происходит понимание термина-эпонима.

Давайте представим, что произойдет, если употребить в разговоре с математиками термин-эпоним из области медицины (например, *звездчатые клетки Купффера* или *гончарный круг жизни по Бодо-Кёлеру*), а в разговоре с медиками употребить термин-эпоним из области математики (например, *диагональный процесс Кантора* или *скобка Гаусса*). Реципиент отреагирует в первую очередь на апеллатив (какие-то клетки, какой-то процесс и т.д.), а антропоним вызовет разные чувства: непонимание, любопытство, недоумение, интерес и т.п. Таким образом, коммуникация нарушится. Получается, что термины-эпонимы, будучи ономастическим кодом *культуры*, способны затруднить межнаучную *межкультурную* коммуникацию, если они употреблены в иной научной среде, не в среде своего происхождения.

Антропонимы как культурно-обусловленные компоненты, входящие в состав терминов-эпонимов, отражают научную картину мира на уровне языка. Вся история возникновения эпонимических терминов – это не только история развития соответствующих подъязыков, но и существенная часть истории культуры. С целью освоения межнаучной межкультурной коммуникации необходимо изучать термины-эпонимы разных подъязыков и знакомиться с историей и культурой мегаязыка науки.

Список литературы

1. Блох М.Я., Семенова Т.Н. Имена личные в парадигматике, синтагматике и прагматике. – М.: Готика, 2001. – 196 с.
2. Булгаков С.Н. Философия имени. – Санкт-Петербург: Наука, 1998. – 448 с.
3. Донец П.Н. Теория межкультурной коммуникации: специфика культурных смыслов и языковых форм. – Автореферат дис. ... докт. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 40 с.
4. Лосев А.Ф. Философия имени. – М.: Изд-во Московского университета, 1990. – 269 с.
5. Маслова В.А. *Nomo lingualis* в культуре. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
6. Рылов Ю.А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика. Курс лекций по межкультурной коммуникации. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 311 с.
7. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Терминологическая деятельность. – М.: УРСС, 2005. – 288 с.

8. Топорова Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 253 с.
9. Флоренский П.А. Имена. Метафизика имен в историческом освещении. Имя и личность//Сочинения. В 4 томах. Т. 3(2)/Сост. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. – М.: Мысль, 1999. – 623 с.
10. Харьковская А.А. Коммуникативные стратегии в современном межкультурном пространстве//Когнитивные аспекты изучения языковых явлений в германских языках. Самара: Издательство «Самарский университет», 2000. – С. 81-90
11. Щербак А.С. Концептосфера языка как ментальная основа формирования топонимов//Вопросы когнитивной лингвистики, 2007. - № 3. – С. 40-45
12. Gläser R. Grundzüge einer Fachsprachenonomastik//Eigenname und Terminus. Beiträge zur Fachsprachenonomastik/Namenkundliche Informationen. Beiheft 9. – Leipzig: Karl-Marx-Universität, 1986. – S. 3-13
13. Plessner H. Die Stufen des Organischen und der Mensch. – Berlin/New York: Walter de Gruyter, 1975. – 373 с.